

ЗАГАДКА ЗАВОДА «ДВАДЦАТЫЙ ВЕК» В РОМАНЕ АЙН РЭНД «АТЛАНТ РАСПРАВИЛ ПЛЕЧИ»: СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО РОМАНА

А.В. Григоровская

Аннотация. Статья посвящена анализу эпизода, связанного с заводом «Двадцатый век» в романе американской писательницы и философа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» (Atlas Shrugged). Цель анализа – проследить влияние травмы Октябрьской революции и вынужденной эмиграции писательницы на ее главный «американский» роман. Новизна исследования заключается в том, что творчество Айн Рэнд практически не исследовано в аспекте Trauma Studies. В ходе анализа доказывается, что завод «Двадцатый век» в романе представляет собой аллюзию на Советскую Россию и ее государственное устройство, а также в нем «прогнозируется» распад Союза Советских Социалистических Республик. Последнее может быть объяснено связями Айн Рэнд и экономистов «австрийской школы» (Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком), экономические выкладки о вреде социализма которых отлично «вписались» в травматический опыт писательницы, придав ему новую, научно обоснованную, окраску и авторитетное подтверждение.

Ключевые слова: американская литература, американский роман, Айн Рэнд, Советская Россия, Trauma Studies, Literary Trauma Studies, травматический опыт.

THE ENIGMA OF THE PLANT “TWENTY CENTURY” IN AYN RAND’S NOVEL “ATLAS SHRUGGED”: SOVIET RUSSIA IN THE MIRROR OF AMERICAN NOVEL

A.V. Grigorovskaya

Abstract. The article is devoted to the analysis of the episode connected with the plant The Twentieth Century in the novel of American writer and philosopher Ayn Rand Atlas Shrugged. The goal of the analysis is to track the influence of the October revolution and forced emigration on her major “American” novel. The originality of the research is in the fact that Ayn Rand’s works are almost not studied in the aspect of Trauma Studies. The thoughts that the plant The Twentieth Century is the allusion on the Soviet Russia and its state structure and the destruction of the USSR is predicted in the novel are proved during the analysis. The last one can be explained by Ayn Rand’s relationships with the economists of the Austrian school (L. von Mises and F. von Hayek); their economical theories about the harm of socialism were relevant to her trauma experience, giving it evidence-based and authoritative manner. The analysis reveals the presence of Gogol allusions in the images of the plant masters that make Ayn Rand’s connection with Russian literary tradition deeper. As the result the author made a conclusion that the episode is the essential traumatic component in the writer’s art works.

Keywords: American literature, American novel, Ayn Rand, Soviet Russia, Trauma Studies, Literary Trauma Studies, trauma experience.

Творчество Айн Рэнд, американской писательницы и философа русского происхождения, традиционно рассматривают в русле американской интеллектуальной мысли. Однако подход, в рамках которого выполнена данная работа, опирается на мысль о том, что основополагающим травматическим событием, определившим принципы формирования философии объективизма и художественного творчества Айн Рэнд, явилась Октябрьская революция 1917 г., повлекшая за собой эмиграцию писательницы в США в 1926 г. Романы Айн Рэнд практически не рассматриваются с учетом этого влияния, исключение составляют работы отдельных американских исследователей [Sciabarra, 2013; Rosental, 2004; Weinacht, 2017]. Использование методологии Trauma Studies, которая предполагает проникновение в глубины бессознательных процессов писателя, весьма продуктивно для определения границ влияния такого события, как вынужденная эмиграция, на художественное творчество Айн Рэнд.

Обращение к «американским» романам писательницы подтверждает тот факт, что Россия имплицитно представлена в образе Соединенных Штатов Америки. Особенно это касается последнего ее романа — «Атлант расправил плечи» (*Atlas Shrugged*, 1957). Многие сюжетные элементы романа напрямую перекликаются с ее первым «русским» (написанным, тем не менее, в США) романом «Мы живые» (*We The Living*, 1936). Так, В. Rosental отмечает явные отсылки к реалиям дореволюционной и постреволюционной России в романе в описаниях экономического коллапса (в которых узнается таковой в 1914–1917 гг. в России), как-то национализация имущества, бесконечные поломки поездов, закрытые магазины и даже суровые зимние метели [Rosenthal, 2004].

Взяв за основу тот факт, что Дагни Таггерт, несомненно, является «альтер-эго» писательницы, созданное ею для проработки травмы эмиграции (избавление от части себя по D. LaCarra [LaCarra, 2001]). Автобиографические ноты звучат в упоминании деда героини Натаниэля Таггерта, напоминающего отца писательницы, Зиновия Розенбаум, и в признании самой писательницы в том, что Дагни и есть она сама, совершенная и без недостатков [Branden, 1986]. «Спасительные» интенции Дагни, которые звучат в романе, направлены на тщетное предотвращение развала ее корпорации *Таггерт Трансконтинентал*, разворачивающееся на фоне развала США [более подробно см.: Grigorovskaya, 2019].

Наиболее сильную метафорическую нагрузку в этом смысле несет на себе образ моторостроительного завода в романе «Атлант расправил плечи». Завод с говорящим названием «Двадцатый век» расположен на заброшенном пустыре, который посещают Дагни и Хэнк. Первое, что мы о нем узнаем — это то, что завод считался одним из лучших и что закрылся он «как-то странно». Риарден говорит об этом крае: «Это какая-то новая, еще никем не открытая страна» [Рэнд, 2009а, с. 357]. Дагни соглашается с ним: «Здесь хорошая почва — посмотри, какая буйная растительность. Я бы вырубилась весь этот кустарник и **построила...**» [Рэнд, 2009а, с. 357]¹.

¹ Здесь и далее — курсив автора.

Напомним, что построить новое и значительное на месте пустыни Советской России очень хотела другая героиня Рэнд — Кира Аргунова («Мы живые»).

Однако дальше Хэнк и Дагни замечают нечто страшное: «**Труп**, замеченный обоими в траве возле обочины, оказался ржавым цилиндром бензонасоса, на котором еще сохранились **остатки стеклянного циферблата**» [Рэнд, 2009а, с. 357]. Тематика смерти («труп») далее будет только усиливаться, отсылая нас снова к первому роману Рэнд, где оппозиция живого и мертвого является ключевой. Часы как символ времени («остатки стеклянного циферблата») здесь также не случайны: мы словно бы совершаем путешествие во времени вместе с героями — в будущее той страны, которая «зашифрована» в эпизоде о заводе «Двадцатый век». Остатки былого величия напоминают кладбище: «Перед ними возник **изрытый пустырь**, над которым из земли и ключев асфальта торчало несколько каркасов бетонных блоков. Кто-то потрудились над ними, разбив стены и увезя обломки; никакая трава не могла уже расти на ставшей **бесплодной земле**. На гребне далекого холма, на фоне неба, **подобный кресту над огромной могилой** стоял покосившийся телеграфный столб <...> Внутри **скелета**, оставшегося от прежнего промышленного городка, стояли несколько брошенных домов <...> Строения превратились в вертикально стоящие **руины** <...> На окраине торчал железобетонный остов, некогда принадлежавший школе; он походил на **череп с пустыми глазницами** выбитых окон... С него свисали редкие пряди волос — оборванные провода» [Рэнд, 2009а, с. 357–358]. Апокалиптическая картина воссоздается при помощи использования слов с смертельной окраской, причем это напоминает аналогичные описания Советской России в первом романе Рэнд. Например, так описано здание Петроградского ГПУ: «Дом номер 2 по улице Гороховой был бледно-зеленым, словно гороховый суп. Краска и штукатурка облупились. На окнах не было ни занавесок, ни решеток. Слово **мертвые**, они смотрели на **пустынную** улицу... Люди замолкали, когда речь заходила о **старых кладбищах**, домах с привидениями, испанской **инквизиции**, доме 2 на Гороховой. Сколько тревожных ночей пронеслось над Петроградом, сколько шагов прогремело в тишине, сколько раз настойчиво дребезжал дверной звонок, сколько людей **никогда не вернулись** домой» [Рэнд, 2011, с. 125]¹.

Впечатление смертности усиливается, когда из одного из домов на пустыре возле бывшего завода, который описан как «строгая, неприступная крепость» и снаружи кажется «в полном порядке», выходит старуха: «Согбенная, опухшая, одетая в сшитое из мешковины платье, она едва перебирала ногами» [Рэнд, 2009а, с. 358]. «Старуха с косой» — символ смерти, который появляется в завязке первого романа Рэнд: именно старуха встречает семью Аргуновых, когда они возвращаются в послереволюционный Петроград из Крыма², как символ наступившего царства

¹ Аналогично (с использованием смертельной лексики) описывали постоктябрьскую Россию и другие русские эмигранты: М. Алданов, И. Шмелев. Это далеко не случайно: о смертности социализма как системы писали видные историки, например, И. Шафаревич [Шафаревич, 2003].

² Этот эпизод в «Мы живые» автобиографичен: сама Рэнд вместе со своей семьей уезжала в Крым из Петрограда, где находилась с 1919 по 1921 гг. См. об этом подробнее: [Никифорова, Кизилов, 2012].

смерти: «Через узкую щель они увидели лицо **старухи**, закрытое свисающими **космами**, живот под грязным полотенцем, повязанным как передник, и одну ногу в мужском тапке» [Рэнд, 2011, с. 24].

Примечательно, что «старухе» в последнем романе Рэнд всего тридцать семь лет. Примерно столько лет проходит с момента Октябрьской революции до написания романа «Атлант расправил плечи», вышедшего в 1957 г. в США. Выражение принципа смертности усиливается контрастом между реальным возрастом «старухи» и ее внешним видом: ничто живое тут невозможно. Кроме того, старуха беременна, – и если за этим образом скрывается принцип социализма, то тогда аналогия становится ясной: социализм порождает себе подобные режимы, распространяя смерть на всю землю.

Итак, в образе моторостроительного завода «Двадцатый век» в последнем романе Айн Рэнд «зашифрована» Россия. Этот вывод подтверждается рассказом бродяги, случайно встреченным Дагни в поезде, об истории этого завода, где он проработал двадцать лет. На заводе был осуществлен эксперимент, суть которого заключалась в том, что «каждый на заводе работал сообразно своим способностям, а плату получал согласно своим нуждам» [Рэнд, 2009b, с. 382]. Сомневаться в том, что тут Рэнд описывает социалистический эксперимент, поставленный в СССР, не приходится. Последствия распределения благ «по потребностям» привели к тому, что «все как один превратились в попрошайки, потому что никто не мог требовать оплаты как законного заработка: у него не было прав, не было заработка, его труд ему не принадлежал, он принадлежал "семье", которая ничего не давала ему взамен, и единственное, что он мог предъявить – свою потребность <...> Человек предъявлял страдания. Потому что они, а не его работа, встали во главу угла. И шесть тысяч человек превратились в соревнующихся попрошайки, кричащих, что его нужда острее, чем у его брата» [Рэнд, 2009b, с. 384]. Постепенно люди стали скрывать свои способности, потому что наиболее одаренных заставляли работать больше, чем других. Описание дальнейшего существования такой системы напоминает систему доносов в Советской России: «Мы завели стукачей, доносивших, например, о тайно купленной индейке для воскресного семейного обеда, за которую, скорее всего, заплатили деньгами, выигранными в азартные игры» [Рэнд, 2009b, с. 387–388].

Владельцы этого завода – три человека, каждый из которых представляет одну из ипостасей социалистического режима. Эрик Старнс – символ инертности и безразличия, Джеральд Старнс – символ грабежа и незаконного заработка и Айви Старнс – символ фанатизма. Объясняется в этом эпизоде и то, почему люди выбрали такую форму управления (то есть Рэнд по сути объясняет причины Октябрьской революции): «Не было человека, кто, голосуя за план, не думал бы о том, что под эту музыку он захватит часть прибыли более способных людей» [Рэнд, 2009b, с. 390]. Постепенно завод стали покидать лучшие из лучших: «Мы продолжали терять людей, они постоянно бежали с завода, как из холерного барака, пока мы не остались с людьми с потребностями, но без людей со способностями» [Рэнд, 2009b, с. 391]. Все это напоминает эмиграцию из России после установления советского

режима, когда страну действительно покинули лучшие: философы, писатели, ученые, художники. А дальше происходит то, что называлось в России «железным занавесом»: «В старые времена никто не увольнялся с "Двадцатого века", а мы не могли поверить, что прежнего завода больше нет. Спустя время мы уже не могли уйти, потому что другой работодатель не принял бы нас, за что я лично не стал бы его корить» [Рэнд, 2009b, с. 391]. Потом «выезд» за пределы экспериментального завода и вовсе стал невозможен: «Помните, отныне ни один из нас не может покинуть завод, потому что всех нас связывает воедино нравственный закон, который мы приняли!» [Рэнд, 2009b, с. 393].

Показана в этом эпизоде и аналогия на советскую пропаганду, рассказывающую всему миру об «успехах советских пятилеток» и «великого вождя»: «Мы видели в кабинете Джеральда стофунтовые пачки журналов – сто фунтов, мы взвешивали – проспектов, полных историй про наш завод и наш благородный план, с большими фотографиями Джеральда Старнса, где он назывался величайшим общественным деятелем» [Рэнд, 2009b, с. 389]. Эту тему Рэнд уже поднимала в первом романе, описывая британскую делегацию, которой показывали «парадные декорации» Советской России.

Чем же закончился эксперимент? Тут мы вступаем на тропу так называемой писательской футурологии: историей о моторостроительном заводе «Двадцатый век» Айн Рэнд предсказала распад Союза Советских Социалистических Республик. Поскольку на заводе не осталось ни одного способного человека, он стал производить дефектные моторы, которые просто перестали покупать: «Наша агония длилась четыре года, со дня первого собрания и последнего, и привела она к единственно возможному результату: к банкротству» [Рэнд, 2009b, с. 392]. Рухнувшая мечта о социалистическом рае на земле нимало не смутила ее создателей: они объяснили все происками «алчного, эгоистичного мира», который не принял их идеалы.

Возвращаясь к реализованному «будущему» социалистического эксперимента на заводе в романе, отметим, что пустырь, который остался от завода, описывается Рэнд с явной ностальгией. Дагни осматривает то, что осталось от завода со скрытой болью: «Это было все равно как **вскрывать труп любимого**» [Рэнд, 2009a, с. 362]. Описывая запустение, автор использует такие слова, как «выпотрошить», «добыча грабителей», «груды мусора», «всяческая дрянь» и т.п. Завод не просто покинули после провала эксперимента – его разграбили. Впоследствии, в попытках отыскать автора двигателя, который они нашли на пустыре, Дагни и Хэнк обошли нескольких людей, которым в разное время после развала принадлежал завод. Завод буквально переходил из рук в руки, его делили на части разные компании: «Она была продана одновременно двум разным владельцам. В свое время, два года назад, это был крупный скандал. А теперь все... превратилось в бумагу, ожидающуюся судебное рассмотрение. И я не вижу, каким образом какой-нибудь судья сумеет установить по ней права собственности или вообще какие-нибудь права» [Рэнд, 2009a, с. 367]. Удивительно, но и тут Рэнд предсказала ситуацию 1990-х

годов, когда развалившаяся на части вследствие товарного дефицита и общего экономического кризиса, Россия переходила, как трофей, из одних грабительских рук в другие.

Галерея последних владельцев завода, предстающая перед нами в романе, заслуживает отдельного рассмотрения. Она выполнена Рэнд в духе гоголевской школы¹. Картина разорения завода и ее «дележ» рисуются автором в сатирическом духе: пять людей (по числу помещиков в «Мертвых душах» Гоголя), которые имели отношение к этому делу, последовательно посещаются Дагни (она ищет изобретателя мотора, который они с Хэнком обнаружили на развалинах завода). Образ дороги, проходящей красной нитью через всю поэму Гоголя, здесь находит свое воплощение в тексте Рэнд.

Каждый из «помещиков» в романе Айн Рэнд обладает какой-то выпуклой чертой характера. Так, мэр Баском – первый в «списке» Дагни – имеет еще некий «лоск». Перепродав завод, он извлек свою выгоду: обстановка комнаты не шикарна, но и не бедна (мастер детали, Гоголь, также передавал характер героев через интерьерные описания), хоть и полна противоречий: «персидские ковры на покоробившемся деревянном полу», «дорогой радиоприемник, на котором стояла старая керосиновая лампа». Человек недалекий и прагматичный, он заявляет: «Идеи мне не нужны, мне нужно три раза в день плотно поесть» [Рэнд, 2009а, с. 373]. Следующий бывший владелец завода – Юджин Лоусон. Он олицетворяет собой человека, который «служит высшему идеалу». За этими красивыми словами ничего не стоит: Юджин столь же не осведомлен о двигателе, создававшемся у него под носом, как и слышан о «кружевных занавесках» на окнах завода и цветах на его подоконниках.

Чем «глубже» забирается Дагни в поисках следов изобретателя, тем ниже в ад она спускается. Ю. Манн отмечает, что «Мертвые души» – это путешествие по аду российской действительности, герои же в поэме расположены по принципу «омертвения» их душ [Манн, 1988]. Так и у Рэнд: уже третий владелец завода – Ли Гансекер – внушает читателю отвращение не только своими мещанскими рассуждениями, но и внешним видом: «Щеки его нуждались в бритве, рубашка жаждала

¹ Закономерно также указать на близость поэтики текстов Рэнд к поэтике так называемых производственных романов СССР. Так, К. Мартынов называет ее романы «капиталистическим реализмом» [Мартынов] – по аналогии с «социалистическим реализмом». Действительно, некоторая ходоульность персонажей, теория «благожелательной Вселенной» и т.п. признаки, характерные для поэтики соцреализма, присутствуют в произведениях писательницы. Однако нет никаких устных или письменных свидетельств самой Айн Рэнд, указывающих на то, что она читала советскую литературу (кроме А. Солженицына, о чем она сама неоднократно упоминает). В списке книг из своей личной библиотеки, которые она передала своему душеприказчику Л. Пейкоффу, также нет советских авторов (в отличие от А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского). Ее эмиграция из России в США (1926 г.) пришлась на время, когда основные образцы производственного романа, обращавшегося к теме индустриального строительства («Время, вперед!» В. Катаева, «Цемент» А. Гладкова и т.п.) были еще не созданы. В Branden, однако упоминает, что Рэнд имела возможность читать советские пьесы (без названия конкретных авторов) во время работы рецензентом в кинокомпаниях РКО и «Метро-Голдвин-Майер», где она читала их (и другие рукописи), адаптируя их для экранизации [Branden 1986, с. 146]. На это же обстоятельство указывают и Л. Никифорова и М. Кизилев в своей биографии писательницы [Никифорова, Кизилев 2020, с. 182].

стирки» [Рэнд, 2009а, с. 396]. И, как всегда у Рэнд, выглядит герой-паразит значительно старше своих лет. А это именно паразит — с манией величия, ненавидящий людей и требующий к себе особого отношения. Но последние две фигуры, возникающие в романе как бывшие владельцы завода, хуже всех. Опустившийся Джеральд Старнс чем-то напоминает Плюшкина Гоголя: подбирая монетку, выпавшую из кармана бродяги, он «зло улыбается». Завершает картину Айви Старнс, его сестра, олицетворяющая принцип зла в его конечной форме: она искренне верит в свой эксперимент, несмотря на то, что он провалился: «Но мы потерпели поражение из-за жадности, эгоизма и низменной, животной природы человека» [Рэнд, 2009а, с. 408].

Что же ищет Дагни? Ее волнует обнаруженный среди мусора завода двигатель новой конструкции. Она ищет того, кто его создал. Здесь уместно вернуться к повествованию о социалистическом эксперименте, развернувшимся на заводе. Бродяга, рассказавший Дагни о нем, упоминает некоего человека, который первым покинул завод со словами «Я остановлю завод, движущий мир» [Рэнд, 2009b, с. 394]. Это и был изобретатель нового двигателя, Джон Голт. В системе романа Айн Рэнд этот герой является, пожалуй, одним из самых загадочных, воплощая конечную цель автора как идеала человека целостного. По сути, Джон Голт является секулярным образом Иисуса Христа в тексте [см. об этом: Grigorovskaya, 2018] и может быть интерпретирован, как и Рахметов Н. Г. Чернышевского, как «ипостась Христа», «Христос с мечом» [Сердюченко, 2001]. В этом смысле загадка метафорического образа завода «Двадцатый век» становится совершенно ясной: если завод — это Советская Россия, то Джон Голт — это образ Бога, покинувшего эту страну.

Откуда же Рэнд могла знать судьбу Советской России за много лет до «перестройки»? Советский Союз распался в 1991 г., роман был написан в 1957-м, сама писательница умерла в 1982 г. Можно говорить о ее ненависти к большевикам или о художественном предвидении, однако ответ кроется в ее биографии. Айн Рэнд очень тесно общалась с экономистами австрийской школы — Л. фон Мизесом¹ и Ф. фон Хайеком². Мизес и Хайек оказали огромное влияние на мировоззрение Айн Рэнд. Особенно тесные отношения связывали Рэнд и Мизеса: помимо культурной связи (оба происходили из еврейской семьи, оба пострадали от властей), они

¹ Мизес своей работе «Экономический расчет в социалистическом хозяйстве» (*Die Wirtschaftsrechnung im sozialistischen Gemeinwesen*, 1921) рассматривает социализм как одну из форм миллениаризма. В книге «Социализм: экономический и социологический анализ» (*Socialism: An Economic and Sociological Analysis*, 1922) Мизес наглядно демонстрирует, что «центральным элементом социализма была теория спасения человечества и искупления его грехов, включавшая и моральные, и материальные аспекты» [Кубедду, 2008, с. 211].

² Критике социализма посвящены две его основные книги — «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*, 1944) и «Пагубная самонадеянность» (*The Fatal Conceit*, 1988). В них он доказывает, что системы социализма и фашизма являются родственными и противоречат принципам правового государства. В России, по мнению Хайека, был реализован вариант тоталитаризма, подобный немецкому фашизму, и обеим системам «присуще принципиально схожее доверие к такому типу организации, который принято называть коллективистским экономическим планированием» [Кубедду, 2008, с. 231].

имели схожие взгляды на природу социализма. Несмотря на разногласия в понимании морали (о чем они вели ожесточенные споры), Рэнд считала Мизеса столпом современной экономики: «Я могу быть не согласна с ним в плане эпистемологии — но когда речь заходит о моих взглядах на экономику и политэкономия, то Людвиг фон Мизес — самая главная вещь, которая приключилась со мной в этом смысле» [Цит. по: Вильгоцкий, 2014, с. 226–227]. В своем письме к Айн Рэнд он высказывает ей свое восхищение романом «Атлант расправил плечи», говоря о том, что это не просто роман, но «*cogent analysis of the evils that plague our society*» [Letters of Ayn Rand, 1997, с. 256]. Однако, как отмечает С.М. Sciabarra, Айн Рэнд не разделяла способ, с помощью которого австрийская экономическая школа критикует социализм: она считала недостаточным критику социализма только на основании ее внутренних противоречий. По ее мнению, необходимо признать нравственное достоинство капитализма как системы, противостоящей социализму¹, а не просто предоставить чисто эмпирические доказательства неэффективности социализма как системы [Sciabarra, 2013, с. 267–268].

Анализ эпизода о заводе «Двадцатый век» (который, по сути, является вставной новеллой в тексте) в романе Айн Рэнд подтверждает значение и роль травматической составляющей памяти об эмиграции у писательницы. В этой истории Рэнд в метафорической форме выразила свои переживания, связанные с судьбой России, зашифровав их в предупреждение Америке против «чумы социализма» (использование обнаруженных в тексте гоголевских аллюзий только подтверждает связь писательницы с русской литературной традицией). При этом переживания писательницы, ее «метафизическая вина» (К. Ясперс) перед Россией трансформированы в переживания ее героини, пытающейся спасти хотя бы двигатель — все, что осталось от завода.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вильгоцкий А. Кто такая Айн Рэнд? М.: АСТ, 2015. 352 с.

Кубедду Р. Политическая философия австрийской школы: К. Менгер, А. Мизес, Ф. Хайек / пер. с англ. М., Челябинск: ИРИСЭН, Мысль, Социум, 2008. 406 с.

Манн Ю. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.

Никифорова Л., Кизилов М. Айн Рэнд. М.: Молодая гвардия, 2020. 333 с.

Никифорова Л., Кизилов М. Крымский период в жизни американской писательницы Айн Рэнд (Алисы Розенбаум) // *Judaica Ukrainica*. 2012. № 1. С. 287–313.

Мартынов К. Атлант расправил плечи // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/fac/64050> (дата обращения — 28 февраля 2020 г.).

¹ См. об этом статьи Айн Рэнд: *For the New Intellectual* (1960), *Altruist: The Rule of Unreason* (1962), *The Monument Builders* (1962), *Collectivized Ethics* (1963), *The New Fascism: Rule by Consensus* (1965), *Altruism as Appeasement* (1966), *What Can One Do?* (1972).

- Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. 1 / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009а. 436 с.
- Рэнд А. Атлант расправил плечи. Ч. 2 / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009б. 424 с.
- Рэнд А. Мы живые / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2011. 473 с.
- Сердюченко В. Футурология Достоевского и Чернышевского: князь Мышкин и Рахметов как ипостаси Христа // *Вопросы литературы*. 2001. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/serd.html> (дата обращения – 5 апреля 2019 г.).
- Шафаревич И.П. Социализм как явление мировой истории. М.: Эксмо, 2003. 448 с.
- Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. N.-Y.: Doubleday&Company, 1986. 442 p.
- Grigorovskaya A.V. Ayn Rand «Integrated man» and Russian Nietzscheanism // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2018. Vol. 18. № 2. Pp. 275–284.
- Grigorovskaya A.V. The representation of trauma in Ayn Rand's novel *Atlas Shrugged* // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2019. Vol. 19. № 2. Pp. 243–258.
- LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.
- Letters of Ayn Rand / ed. by M.S. Berliner. N.-Y.: A Plume Book, 1997. 254 p.
- Rosenthal B.G. The Russian Subtext of «Atlas Shrugged» and «The Fountainhead» // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2004. № 1. Vol. 6. Pp. 195–225.
- Sciabarra C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. 477 p.
- Weinacht A. Russian egoism goes to America? A case for a connection between Ayn Rand and the Shestidesiatniki // *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2017. № 1. Pp. 1–27.

REFERENCES

- Vilgocky A. *Kto takaja Ajn Rend?* [Who is Ayn Rand?]. Moscow: AST, 2015. 352 p. (in Russian).
- Kubeddu R. *Politicheskaja filosofija avstrijskoj shkoly: K. Menger, A. Mizes, F. Hajek* [Political Philosophy of the Austrian School: K. Menger, A. Misies, F. Hayek]. Moscow, Chelyabinsk: IRICEN, Mysl', Socium, 2008. 406 p. (in Russian).
- Mann Y. *Pojetika Gogolja* [Gogol's Poetics]. Moscow: Chudozhestvennaya Literatura, 1988. 413 p. (in Russian).
- Martynov K. *Atlant raspravil plechi* [Atlas Shrugged], in *PostNauka*. Available at: <https://postnauka.ru/faq/64050> (accessed 28 February 2020).
- Nikiforova L., Kizilov M. *Ayn Rand* [Ayn Rand]. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2020. 333 p. (in Russian).

Nikiforova L., Kizilov M. Krymskij period v zhizni amerikanskoj pisatel'nicy Ajn Rjend (Alisy Rozenbaum) [The Crimean period in American writer Ayn Rand's (Alisa Rozenbaum's) life], in *Judaica Ukrainica*. 2012. № 1. Pp. 287–313 (in Russian).

Rand A. *Atlant raspravil plechi*. Ch. 1 [Atlas Shrugged. Part 1]. Moscow: Alpina Buisness Book, 2009a. 436 p. (in Russian).

Rand A. *Atlant raspravil plechi*. Ch. 2 [Atlas Shrugged. Part 2]. Moscow: Alpina Buisness Book, 2009b. 424 p. (in Russian).

Rand A. *My zhivye* [We The Living]. Moscow: Alpina Pablisher, 2011. 473 p. (in Russian).

Serdyuchenko V. Futurologija Dostoevskogo i Chernyshevskogo: knjaz' Myshkin i Rahmetov kak ipostasi Hrista [Dostoyevsky and Chernyshevsky's Futurology: Prince Myshkin and Rakchmetov as Christ's incarnations], in *Voprosy Literatry*. 2001. № 3. Available at: <http://magazines.russ.ru/voplit/2001/3/serd.html> (accessed 5 April 2019).

Shafarevich I.R. *Socializm kak javlenie mirovoj istorii* [Socialism as the Phenomenon of World History]. Moscow: Eksmo, 2003. 448 p. (in Russian).

Branden B. *The Passion of Ayn Rand*. New-York.: Doubleday&Company, 1986. 442 p.

Grigorovskaya A.V. Ayn Rand "Integrated man" and Russian Nietzscheanism, in *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2018. Vol. 18. № 2. Pp. 275–284.

Grigorovskaya A.V. The representation of trauma in Ayn Rand's novel Atlas Shrugged, in *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2019. Vol. 19. № 2. Pp. 243–258.

LaCapra D. *Writing History, Writing Trauma*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 226 p.

Letters of Ayn Rand. Ex. ed. M.S. Berliner. New-York: A Plume Book, 1997. 254 p.

Rosenthal B.G. The Russian Subtext of "Atlas Shrugged" and "The Fountainhead", in *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2004. № 1. Vol. 6. Pp. 195–225.

Sciabarra C.M. *Ayn Rand. The Russian Radical*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2013. 477 p. (in English).

Weinacht A. Russian egoism goes to America? A case for a connection between Ayn Rand and the Shestidesiatniki, in *The Journal of Ayn Rand Studies*. 2017. № 1. Pp. 1–27. (in English).